

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ф.О. Трунов*

ЭВОЛЮЦИЯ ПОЛИТИКИ ФРГ В ОТНОШЕНИИ УКРАИНЫ (2013–2015)

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Назревавший в течение многих лет и в конце концов разразившийся в декабре 2013 г. глубокий политический кризис на Украине подвел черту в развитии отношений между Россией и государствами Евроатлантического сообщества после распада Советского Союза. Он повлек за собой кардинальный пересмотр и российским руководством, и элитами стран Запада концептуальных основ внешней политики. В этой связи особый интерес представляет изучение позиции ФРГ как одной из ведущих держав Европейского союза, которая часто выступала в качестве своеобразного посредника в разрешении противоречий между Российской Федерацией и Соединенными Штатами. В данной статье предпринята попытка выявить основные цели и задачи внешней политики ФРГ в отношении Украины, а также проследить их эволюцию по мере перерастания политического кризиса в этой стране в вооруженный конфликт. Автор отмечает, что уже с конца 2000-х годов Германия значительно активизировала свою политику на постсоветском пространстве, в том числе на Украине. Ключевая роль при этом отводилась запущенной Европейским союзом программе «Восточное партнерство», а также механизму расширения сферы влияния с помощью соглашений об ассоциации с ЕС. Именно отказ президента Украины В.Ф. Януковича от подписания этого соглашения послужил катализатором антиправительственных выступлений в Киеве. В этих условиях правительство ФРГ полностью поддержало действия оппозиции, связывая с ее победой переориентацию Украины на евроатлантические политические и экономические структуры. Автор заключает, что эта стратегическая цель, зафиксированная, в частности, в ряде программных выступлений лидеров ФРГ, на протяжении всего рассматриваемого периода оставалась неизменной, равно как и средства ее достижения (активная поддержка администрации П. Поро-

* *Трунов Филипп Олегович* — аспирант кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: ltrunov@mail.ru).

шенко, экономические и политические санкции в отношении РФ). В то же время продолжающийся вооруженный конфликт на востоке Украины отодвигает ее реализацию на неопределенный срок.

Ключевые слова: ФРГ, Германия, внешняя политика, Украина, Российская Федерация, «украинский кризис», Евромайдан, «Восточное партнерство», Соглашение об ассоциации с ЕС, «нормандская четверка», «Минск-1», «Минск-2», Крым, ЛНР, ДНР, санкции.

В результате выборов в Бундестаг ФРГ 22 сентября 2013 г. был сформирован кабинет «большой коалиции»¹, канцлером в котором стала А. Меркель (ХДС/ХСС), а министром иностранных дел — Ф.-В. Штайнмайер (СДПГ). Уже через три месяца центральное место во внешнеполитической повестке нового германского правительства занял украинский политический кризис. Он стал серьезной угрозой международной безопасности, главным образом по двум причинам: из-за глубокой дестабилизации ситуации на Украине, приведшей к возникновению и разрастанию вооруженного конфликта на востоке страны, полное урегулирование которого возможно лишь в долгосрочной перспективе [Menon, Rumer, 2015: 145–147], и вследствие резкого ухудшения отношений коллективного Запада с Москвой в связи с украинскими событиями. Возвращение российско-европейского сотрудничества на уровень 2012–2013 гг. довольно сложно не только из-за расхождений по проблеме вооруженного конфликта, но также по причине заметного снижения взаимного доверия РФ и Евроатлантического сообщества².

В связи с этим особый интерес представляет изучение политики ФРГ, которая не только является членом НАТО и самой мощной экономикой в ЕС, но и, как показала политическая практика 1990–2000-х годов, выступает в качестве одного из основных контрагентов России среди государств — членов Евроатлантического сообщества при решении широкого спектра проблем международной безопасности.

В трудах западных ученых проблематике ухудшения отношений Запада и России из-за украинских событий и роли ФРГ в этой связи уделяется значительное внимание. Однако данным исследованиям присущ общий и весьма серьезный недостаток: подробный анализ и детальное освещение действий государств-членов и

¹ Правительство было образовано представителями двух партий — «китов» германской политики: Социал-демократической партии Германии (СДПГ) и консервативного блока Христианско-демократического союза и Христианско-социального союза (ХДС/ХСС).

² Тренин Д.В. Конец согласия: чего хочет Европа от России // Россия в глобальной политике. 23.12.2014 г. Доступ: http://www.globalaffairs.ru/ukraine_crisis/Konetc-soglasiya-chego-khochet-Evropa-ot-Rossii-17229 (дата обращения: 24.03.2015).

институтов Евроатлантического сообщества начинаются *лишь* с момента воссоединения Республики Крым и города Севастополя с Российской Федерацией [Sakwa, 2015; Wilson, 2014; Menon, Rumer, 2015]. При этом действия России, в первую очередь ее руководства, подробно изучаются на всем временном отрезке 2014–2015 гг. [Menon, Rumer, 2015: 77–86]. Иными словами, в отмеченных исследованиях обойдены должным вниманием действия стран-участниц и институтов Евроатлантического сообщества с осени 2013 до марта 2014 г. Вместе с тем именно их анализ позволяет приблизиться к пониманию политики ФРГ как члена ЕС и НАТО в отношении Украины на современном этапе.

Цель данной статьи — выделить и проанализировать ключевые особенности внешней политики Германии во время возникновения и развития политического кризиса на Украине. При этом основное внимание уделено временному отрезку с ноября 2013 г., когда президент В.Ф. Янукович отказался подписывать соглашение об ассоциации с ЕС, до марта 2014 г., когда Крым стал частью России, а на востоке Украины возникли условия для начала вооруженного конфликта. В рамках статьи также рассмотрена динамика отношений Берлина и Москвы по украинской проблематике с учетом степени влияния России на постсоветском пространстве в целом и ее роли в урегулировании ситуации на Украине в частности.

* * *

Еще в 1996 г. глава МИД Германии К. Кинкель (Свободная демократическая партия — СвДП) официально заявил о повышенном интересе ФРГ к постсоветскому пространству, в том числе о стремлении участвовать в разрешении конфликтов на территории СНГ [Bos, 2007: 456–457]. Однако во второй половине 1990-х — начале 2000-х годов Германия не располагала для этого необходимыми возможностями, приняв участие лишь в урегулировании грузино-абхазского вооруженного противостояния: представители Министерства обороны ФРГ действовали в составе мониторинговой миссии ОБСЕ³, а МИД участвовал в работе группы Генерального секретаря ООН по Грузии⁴.

³ The Bundeswehr on operations: publication to mark the 15th Anniversary of the First Parliamentary Mandate for Armed Bundeswehr Missions Abroad. Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. P. 26.

⁴ О встрече заместителя министра иностранных дел РФ В.В. Лощинина с послами Великобритании, Германии, США и Франции, 18 июня 2001 г. // Официальный сайт МИД РФ. Доступ: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-rkonfl.nsf/90be9cb5e6f07180432569e00049b5fb/432569e00034005f43256a7000559441!OpenDocument> (дата обращения: 25.07.2014).

Лишь с середины 2000-х годов намерения Берлина стали реализовываться на практике, причем Германия действовала на постсоветском пространстве преимущественно под эгидой ЕС. Руководство ФРГ активно поддерживало идею расширения Европейского союза за счет стран Восточной и Юго-Восточной Европы. При этом германское правительство демонстрировало определенную готовность учитывать опасения РФ, связанные с продвижением на территорию СНГ структур Евроатлантического сообщества. В частности, с середины 2000-х годов лидеры ФРГ занимали осторожную позицию в вопросе расширения НАТО на восток. Так, на Бухарестском саммите альянса (2008) А. Меркель вместе с президентом Франции Н. Саркози выступила против принятия Грузии и Украины в НАТО. Не изменился подход ФРГ к данному вопросу и в 2014 г. Не менее важным, чем стремление «успокоить» Москву, было понимание того, что в случае вступления данных государств в Североатлантический альянс на них в полной мере распространились бы и гарантии Вашингтонского договора о коллективной самообороне. Как считают англосаксонские исследователи Р. Менон и Ю. Румер, поскольку действия Украины и Грузии во второй половине 2000-х годов имели явную антироссийскую направленность, это могло привести к прямому широкомасштабному военному конфликту с РФ с непредсказуемыми военно-политическими последствиями [Менон, Румер, 2015: 138–140].

Сдержанно относясь к идее расширения НАТО на восток, особенно с 2008 г., руководство ФРГ занимало совершенно иную позицию в отношении Европейского союза. Соглашение об ассоциации с ЕС и программа «Восточное партнерство», запущенная в 2009 г., стали ключевыми инструментами для сближения с рядом бывших советских республик, и хотя ФРГ не была инициатором «Восточного партнерства», в его реализации германская сторона принимает самое активное участие [Менон, Румер, 2015: 108–109]. Действие программы распространялось на шесть стран СНГ⁵, однако в первую очередь она была направлена на Украину, на что указывал российский исследователь С.А. Забелин [Забелин, 2014: 39–48].

Для понимания последующих шагов, предпринятых Берлином в отношении Украины в 2013–2015 гг., необходимо хотя бы кратко охарактеризовать ситуацию в этой стране после ее включения в «Восточное партнерство». В начале 2010-х годов политическая обстановка на Украине была спокойной. В отличие от 2004 г., когда

⁵ Программа «Восточное партнерство» была запущена ЕС в 2009 г. и направлена на содействие политическим и социально-экономическим реформам в шести государствах постсоветского пространства: Украине, Молдове, Беларуси, Азербайджане, Армении, Грузии.

произошла «оранжевая революция», избрание президентом кандидата, олицетворявшего интересы востока страны, — В.Ф. Януковича — не вызвало массовых выступлений. Значительно более сложными были социально-экономические проблемы, в первую очередь рост коррупции, который сопровождался заметным увеличением числа лиц, приближенных к В.Ф. Януковичу, в высших эшелонах украинской власти [Menon, Rumer, 2015: 55–57]. Большое значение также имела неспособность Украины самостоятельно преодолеть последствия мирового экономического кризиса: официальный Киев получал кредиты как от Международного валютного фонда (МВФ), особенно до избрания В.Ф. Януковича президентом, так и от России с начала 2010-х годов. Данные проблемы были во многом обусловлены сокращением ресурсной базы страны, последовавшим за ее выходом из состава прекратившего де-юре существование СССР. Помимо всего прочего это выразилось и в деградации Вооруженных сил Украины (ВСУ), как указывали, например, военные эксперты А. Лавров и А. Никольский [Lavrov, Nikolsky, 2014: 57–73].

Отмеченные социально-экономические проблемы обострили вопросы, связанные с определением Украиной — страной со второй по размеру ВВП экономикой на постсоветском пространстве — основного вектора развития [Pifer, 2009: 3–10]. Первым вариантом были сближение с евразийскими интеграционными структурами и возможное вступление в них. Как писал отечественный исследователь международных отношений А.Д. Богатуров, для России территория СНГ с начала 2000-х годов де-юре, а с конца десятилетия и де-факто стала основным региональным приоритетом, что означало повышенный интерес к Украине и готовность предоставлять ей значительную экономическую помощь (в виде кредитов, льготных цен на газ и т.д.) [Богатуров, 2008]. Вторым вариант — укрепление связей с Евроатлантическим сообществом и последующее возможное присоединение к Европейскому союзу и НАТО. К середине 2010-х годов страны ЕС по суммарному объему внешней торговли с Украиной превзошли Россию: на Европейский союз в 2012–2013 гг. приходилось почти 40% украинского внешне-торгового оборота⁶. В немалой степени это было обусловлено действиями германского бизнеса: более 2 тыс. предприятий ФРГ были экономически завязаны на Украину. В стране располагались дочерние структуры концерна «Siemens», автоперевозочной компании «Leoni» и ряда других крупных фирм. Запуск программы

⁶ European Commission. Trade. Countries and regions. Ukraine. Available at: <http://ec.europa.eu/trade/policy/countries-and-regions/countries/ukraine/> (accessed: 02.03.2015).

«Восточное партнерство» создал благоприятные политические условия для расширения присутствия германского бизнеса на Украине⁷. Возможное подписание соглашения об ассоциации с ЕС позволило бы еще больше укрепить его позиции за счет обнуления таможенных пошлин.

В ходе переговоров Брюсселя с Киевом (а также с Кишиневом и Тбилиси) было решено, что страны подпишут этот документ в ходе встречи представителей государств — участников «Восточного партнерства» и делегатов от Европейского союза в Вильнюсе 28–29 ноября 2013 г. Выступая в этой связи в Бундестаге, А. Меркель подчеркнула, что «Восточное партнерство» не является инструментом расширения ЕС⁸. Основными целями действия программы канцлер назвала поддержку демократизации и модернизации экономики стран-партнеров, в рамках которой Евросоюз предлагает «политическое сближение и экономическую интеграцию»⁹. С нашей точки зрения, данный тезис, равно как и заключение соглашения об ассоциации, показывает, что своей главной целью «Восточное партнерство» имело именно создание условий для распространения ЕС на постсоветское пространство. Заявления А. Меркель не могли убедить Кремль в отсутствии антироссийской направленности программы. Так, постоянный представитель России при ЕС В.А. Чижов указывал: «Мы против того, чтобы данные страны СНГ ставились перед искусственной дилеммой: либо вперед, в светлое будущее с Евросоюзом, либо назад — с Россией. А то, что такие признаки на начальном этапе “Восточного партнерства” были, — это факт»¹⁰.

Однако на Вильнюсском саммите «Восточного партнерства» В.Ф. Янукович вопреки предварительным договоренностям отказался подписывать соглашение об ассоциации с ЕС, одновременно объявив о возможности участия в евразийских интеграционных структурах [Menon, Rumer, 2015: 77–78]. Данное решение украинского президента следует признать самой крупной неудачей во внешней политике Европейского союза за последнее десятилетие. Необходимо отметить проигрыш и на информационном поле: саммит, проходивший в столице одного из наиболее активных го-

⁷ Rede von Dr. Angela Merkel, Bundeskanzlerin // Abgabe einer Regierungserklärung durch die Bundeskanzlerin: Gipfel der Östlichen Partnerschaft am 28./29. November 2013 in Wilna. Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Plenarprotokoll 18/22. Sitzung. Berlin, Montag, den 18. November 2013. S. 25A.

⁸ Ibid. 24D–25A.

⁹ Ibid. 25A.

¹⁰ Терехов А. Владимир Чижов: «Южный поток» надо сделать приоритетным проектом ЕС // Независимая газета. 18.05.2009 г. Доступ: www.ng.ru/courier/2009-05-18/9_chizov.html?mright=0 (дата обращения: 02.03.2015).

сударств — поборников «Восточного партнерства» — Литве, заранее преподносился в западных СМИ как серьезное достижение. Успешное его проведение было тем более важно в условиях нарастания внутренних и внешних трудностей для Евроатлантического сообщества (прежде всего речь идет о затяжном финансово-экономическом кризисе в ЕС).

С начала декабря 2013 г. в Киеве начались выступления сторонников сохранения евроатлантического вектора в качестве основного внешнеполитического приоритета Украины. В этой ситуации правительство А. Меркель/Ф.-В. Штайнмайера стало склонять официальный Киев к предоставлению уступок оппозиции и проведению всеобщей амнистии для задержанных оппозиционеров¹¹. Однако, хотя в данном вопросе лидеры «большой коалиции» постоянно подчеркивали солидарность с партнерами по ЕС и НАТО¹², они не пошли в декабре 2013 — январе 2014 г. на демонстративные меры оказания помощи оппозиции (такие, например, как отправка эмиссаров на Майдан).

Вмешательство части стран коллективного Запада, в первую очередь США, в ситуацию на Украине вызывало все возрастающую обеспокоенность Кремля. Учитывая длительный опыт взаимодействия в области международной безопасности с ФРГ, 13 февраля 2014 г. глава МИД РФ С.В. Лавров использовал встречу с Ф.-В. Штайнмайером для того, чтобы донести российские опасения до западных стран¹³. Однако встреча двух министров иностранных дел не дала положительного результата, на что С.В. Лавров и указал в своем выступлении: «Европейские партнеры говорят, что нужно дать Украине возможность сделать свободный выбор в пользу европейской интеграции. Говоря о свободе выбора, стоит быть честными и в своих поступках не навязывать его под предлогом свободы»¹⁴.

¹¹ Bundeskanzlerin Merkel telefonierte mit dem ukrainischem Staatspräsidenten Janukowitsch, 29. Januar 2014. // Die Bundesregierung. Available at: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/01/2014-01-29-merkel-janukowitsch.html> (accessed: 05.03.2015).

¹² Pressestatement von Bundeskanzlerin Merkel vor ihrem Gespräch mit Außenminister Kerry, 31. Januar 2014. // Die Bundesregierung. Available at: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Mitschrift/Pressekonferenzen/2014/01/2014-01-31-kerry-merkel.html> (accessed: 05.03.2015).

¹³ Ausführliche Gespräche in Moskau, 13. Februar 2014. // Die Bundesregierung. Available at: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Meldungen/2014/02/2014-02-13-steinmeier-moskau.html> (accessed: 05.03.2015).

¹⁴ Выступление и ответы на вопросы СМИ министра иностранных дел С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам переговоров с министром иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайером, Москва, 14 февраля 2014 г. // Официальный сайт МИД РФ. Доступ: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/44257b100055ec1544257c7f0031c818!OpenDocument> (дата обращения: 05.03.2015).

Неудача переговоров была обусловлена усилением давления ФРГ на официальный Киев с середины февраля 2014 г., которое происходило в условиях активизации действий оппозиции. У руководства Германии появилась возможность компенсировать понесенные в ходе Вильнюсского саммита имиджевые и политические издержки. 17 февраля 2014 г. Ф.-В. Штайнмайер провел закрытые переговоры с лидерами оппозиции В. Кличко (известным своей прогерманской ориентацией) и А. Яценюком¹⁵. В тот же день с ними встретила канцлер, осудившая «акты насилия против мирных демонстрантов»¹⁶. Факт встречи с властями ФРГ был воспринят оппозицией в качестве ободряющего сигнала и привел к усилению беспорядков: «мирные» протестующие, строя новые баррикады и применяя зажигательные смеси и оружие против сил правопорядка, попытались захватить комплекс правительственных зданий в Киеве.

Параллельно Берлин интенсифицировал переговоры на высоком уровне с Москвой, настаивая на предоставлении уступок оппозиции. Данный подход Ф.-В. Штайнмайер активно продвигал в ходе телефонного разговора с С.В. Лавровым 19 февраля 2014 г. В ответ глава МИД РФ резонно подчеркнул необходимость «уважения полномочий и компетенции украинской власти»¹⁷. Российский министр призвал германского коллегу оказать влияние на оппозицию в целях реального достижения компромисса с киевским руководством¹⁸. Тем самым С.В. Лавров в очередной раз отметил дестабилизирующий характер односторонних действий ФРГ и ее партнеров по ЕС в условиях политического кризиса на Украине. Однако власти Германии проигнорировали сигналы, поступавшие из Москвы, продолжив наращивать меры политической поддержки оппозиции. Представители последней в конце второй — начале третьей декады февраля постепенно устанавливали силовым путем контроль над столицей.

¹⁵ Außenminister Steinmeier trifft ukrainische Oppositionsführer, 17. Februar 2014. // Die Bundesregierung. Available at: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/AA/2014/2/2014-02-17-aussenminister-steinmeier-trifft-ukrainische-oppositionsfuehrer-klitschko-und-jazenjuk.html> (accessed: 05.03.2015).

¹⁶ Bundeskanzlerin Merkel empfangt die ukrainischen Oppositionsführer Arsenij Jazenjuk und Vitali Klitschko, 17. Februar 2014. // Die Bundesregierung. Available at: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/02/2014-02-17-merkel-jazenjuk-klitschko.html> (accessed: 05.03.2015).

¹⁷ О телефонном разговоре министра иностранных дел России С.В. Лаврова с министром иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайером, 19 февраля 2014 г. // Официальный сайт МИД РФ. Доступ: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/44257b100055ec1544257c840059d741!OpenDocument> (дата обращения: 05.03.2015).

¹⁸ Там же.

В сложившейся ситуации правительство А. Меркель/Ф.-В. Штайнмайера демонстративно приняло на себя роль внешнего арбитра в конфликте между властями Украины и оппозицией. 20 февраля 2014 г. канцлер Германии провела телефонный разговор с В.Ф. Януковичем, призвав обе стороны отказаться от применения силы. А. Меркель подчеркнула готовность германской стороны организовать переговоры между президентом и оппозиционерами¹⁹. При этом позиция ФРГ изначально не была нейтральной. Так, председатель Бундестага ФРГ Н. Ламмерт на заседании 20 февраля 2014 г. потребовал от правительства Украины отказаться от попыток силового разгона «исключительно мирных протестов»²⁰. Действия Берлина были направлены на поддержку прихода к власти политических сил, которые бы вернулись к полноценному участию Украины в «Восточном партнерстве» и ключевой его составляющей — договоре об ассоциации с ЕС. Об этом открыто заявил представитель ХДС/ХСС в Бундестаге А. Шохенхоф²¹. Реализуя намеченный курс, А. Меркель стремилась убедить российское руководство в том, что действие данного документа не направлено против России и не будет мешать развитию ее отношений с официальным Киевом²².

Однако в реальности усилия ФРГ приводили не к снижению, а, наоборот, к возрастанию обеспокоенности Кремля, тем более что в условиях резкого углубления политического кризиса на Украине Берлин действовал без согласования своей позиции с Россией, предлагая ей лишь мириться с уже принятыми без ее участия мерами. Так, канцлер проинформировала президента РФ В.В. Путина о грядущей поездке Ф.-В. Штайнмайера в Киев, лишь получив согласие от украинской стороны²³. Подобная линия Германии как члена ЕС и НАТО не оставляла возможности для практического

¹⁹ Bundeskanzlerin Merkel telefonierte mit dem ukrainischem Staatspräsidenten Janukowitsch, 20. Februar 2014. // Die Bundesregierung. Available at: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/02/2014-02-20-merkel-telefonat-janukowitsch.html> (accessed: 05.03.2015).

²⁰ Rede von Dr. N. Lammert. Vereinbarte Debatte: zur Lage in der Ukraine // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Plenarprotokoll 18/17. Berlin, Donnerstag, den 20. Februar 2014. 1204B.

²¹ Rede von A. Schockenhoff. Vereinbarte Debatte: zur Lage in der Ukraine // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Plenarprotokoll 18/17. Berlin, Donnerstag, den 20. Februar 2014. 1206D.

²² Rede von Dr. Angela Merkel, Bundeskanzlerin. Zum Treffen der Staatsund Regierungschefs der Europäischen Union zur Lage in der Ukraine am 6. März 2014 // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Plenarprotokoll 18/20. Berlin, Donnerstag, den 13. März 2014. 1520D.

²³ Bundeskanzlerin Merkel telefonierte mit Präsident Putin und mit Präsident Obama zur Ukraine, 20. Februar 2014. // Die Bundesregierung. Available at: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/02/2014-02-20-telefonat-bkin.html> (accessed: 05.03.2015).

вовлечения российской дипломатии в переговорный процесс по Украине, что, с нашей точки зрения, имело два серьезных последствия. Во-первых, неучастие Москвы в ключевых переговорах по проблеме «украинского кризиса» значительно снижало шансы успешной реализации достигнутых в ходе них соглашений. Во-вторых, претендуя на основную роль в переговорном процессе, Германия брала на себя высокую ответственность за его исход и последствия, которые могли с большой долей вероятности оказаться негативными.

21 февраля 2014 г. Ф.-В. Штайнмайер вместе с представителями МИД Польши и Франции провел переговоры с В.Ф. Януковичем. Германская дипломатия сыграла определяющую роль в подписании президентом Украины соглашения с оппозицией, включавшего серьезные уступки последней. Документом в обязательном порядке предусматривались:

- проведение конституционной реформы (до сентября 2014 г.), направленной на ослабление власти президента, а также пере выборы главы государства (до декабря 2014 г.);

- немедленное формирование коалиционного правительства с участием оппозиционных сил (партий «Удар» В. Кличко, «Батькивщина» А. Яценюка и «Свобода» О. Тягнибока);

- механизм прекращения беспорядков на основе всеобщей амнистии, взаимного отказа от применения силы властями и оппозицией и последующей сдачи оружия всеми демонстрантами в органы правопорядка²⁴.

Гарантами документа выступили европейские дипломаты во главе с Ф.-В. Штайнмайером²⁵. Представитель президента РФ, хотя и присутствовал на церемонии подписания, свою подпись под ним ставить отказался, тем самым демонстрируя несогласие с его положениями.

Уже 22 февраля 2014 г. оппозиция, нарушив букву и смысл подписанного соглашения, совершила государственный переворот. Несмотря на сохранение поддержки В.Ф. Януковича на востоке Украины, президент страны и его окружение с этого момента самоустранились от урегулирования политического кризиса. В тот же день С.В. Лавров в телефонном разговоре с Ф.-В. Штайнмайером выразил «самую серьезную озабоченность недоговороспособностью подписавших 21 февраля соглашение в Киеве»²⁶ и нараста-

²⁴ Соглашение об урегулировании кризиса в Украине, 21 февраля 2014 г. // РИА Новости. Доступ: ria.ru/world/20140221/996319889.html (дата обращения: 05.03.2015).

²⁵ Там же.

²⁶ О телефонном разговоре министра иностранных дел России С.В. Лаврова с министрами иностранных дел Германии, Польши и Франции, 22 февраля 2014 г. // Официальный сайт МИД РФ. Доступ: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/44257b100055ec1544257c87004f74fd?OpenDocument> (дата обращения: 05.03.2015).

нием бесчинств с применением оружия на Украине. В ответ глава МИД ФРГ пообещал «срочно предпринять дополнительные шаги с целью обеспечения реализации достигнутых договоренностей»²⁷. Однако в реальности правительство ФРГ продолжило курс на последовательную поддержку оппозиции, ориентировавшейся на евроатлантический вектор развития Украины.

Утверждение лидеров Майдана у власти привело не только к переориентации внешней политики официального Киева, но и к ущемлению прав русскоязычного населения страны. Так, уже 23 февраля Верховная Рада по инициативе партии «Батькивщина» признала недействительным закон 2012 г.²⁸ об основах государственной языковой политики, введивший статус второго (третьего) регионального для языка, если на нем говорило более 10% населения данного субъекта. Озабоченность этим фактом была доведена С.В. Лавровым до сведения Ф.-В. Штайнмайера уже 26 февраля 2014 г.²⁹, но безрезультатно.

Ущемление прав русскоязычного населения спровоцировало возникновение ответных мирных, но весьма активных демонстраций жителей Крымского полуострова. Уже 28 февраля 2014 г. А. Меркель впервые выразила обеспокоенность событиями в Крыму в ходе телефонного разговора с В.В. Путиным³⁰. С этого момента именно на ситуации в республике стало фокусироваться внимание германской дипломатии.

В условиях игнорирования коллективным Западом позиции России по «украинскому кризису» Москва была вынуждена пойти на демонстрацию готовности отстаивать государственные интересы с помощью широкого спектра средств, в том числе военно-политических. 1 марта 2014 г. В.В. Путин внес обращение в Совет Федерации ФС РФ об использовании Вооруженных сил РФ на Украине. Решение президента было обусловлено «угрозой жизни граждан

²⁷ Там же.

²⁸ Поименно голосування про проект Закону про визнання таким, що втратив чинність, Закону України «Про засади державної мовної політики» (№ 1190) — за основу та в цілому // Официальный сайт Верховной Рады Украины. Доступ: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/radan_gs09/ns_arh_golos?g_id=389507&n_skl=7 (дата обращения: 05.03.2015).

²⁹ О телефонном разговоре министра иностранных дел России С.В. Лаврова с министром иностранных дел ФРГ Ф.-В. Штайнмайером, 26 февраля 2014 г. // Официальный сайт МИД РФ. Доступ: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/44257b100055ec1544257c8b0061fb83?OpenDocument> (дата обращения: 05.03.2015).

³⁰ Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem russischen Staatspräsidenten Putin, 28. Februar 2014. // Die Bundesregierung. Available at: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/02/2014-02-28-telefonat-putin.html> (accessed: 05.03.2015).

Российской Федерации, наших соотечественников, личного состава воинского контингента Вооруженных Сил Российской Федерации, дислоцирующегося в соответствии с международным договором на территории Украины (Автономная Республика Крым)»³¹. В тот же день Совет Федерации единогласно поддержал обращение президента³².

Решение, принятое главой государства и верхней палатой парламента, вызвало серьезную обеспокоенность среди западных лидеров. Уже 2 марта 2014 г. А. Меркель в ходе телефонного разговора с В.В. Путиным обвинила Россию в «неприкрытой интервенции» в дела Украины. С точки зрения канцлера, РФ нарушала Будапештский меморандум 1994 г., в котором было прописано «уважение независимости и <...> границ Украины»³³. В.В. Путин, отвергнув это обвинение, указал в свою очередь на нарушение киевскими властями соглашения о Черноморском флоте (1997)³⁴.

В обоснование российской позиции следует привести три положения. Во-первых, решение Совета Федерации ФС РФ не означало, что президент обязательно воспользуется им, особенно для боевого применения Вооруженных сил. Последнее рассматривалось В.В. Путиным как крайняя мера, о чем он заявил на пресс-конференции 4 марта 2014 г.³⁵ Во-вторых, использование военной силы для защиты жизни и достоинства российских граждан (как военнослужащих, так и гражданского населения) в Крыму было реализацией права на самооборону в соответствии со ст. 51 Устава ООН³⁶. Наконец, в-третьих, российско-украинские переговоры 1990-х годов по проблемам признания административных границ Украины в качестве государственных со стороны России и раздела военных кораблей, техники и имущества Черноморского флота велись в «пакете» и предусматривали ряд ответных гарантий со стороны Киева [Дубинин, 2009: 74–222]. Так, Россия, выступая правопре-

³¹ Владимир Путин внес обращение в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, 1 марта 2014 г. // Официальный сайт Президента РФ. Доступ: kremlin.ru/news/20353 (дата обращения: 05.03.2015).

³² Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации на территории Украины // Официальный сайт Совета Федерации ФС РФ. Доступ: council.gov.ru/activity/legislation/decisions/39979 (дата обращения: 05.03.2015).

³³ Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem russischen Staatspräsidenten Putin, 2. März 2014. // Die Bundesregierung. Available at: <http://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/03/2014-03-02-telefonat-putin.html> (accessed: 10.03.2015).

³⁴ Ibid.

³⁵ Владимир Путин ответил на вопросы журналистов о ситуации на Украине, 4 марта 2014 г. // Официальный сайт Президента РФ. Доступ: kremlin.ru/news/20366 (дата обращения: 05.03.2015).

³⁶ ООН. Устав Организации Объединенных Наций. Доступ: www.un.org/ru/documents/charter/ (дата обращения: 10.03.2015).

емницей СССР, вопреки историческим и юридическим основаниям не стала оспаривать вхождение Крыма в состав Украины. Москва признавала территориальную целостность страны, но настаивала на учете собственных интересов при сохранении Севастополя как основной базы Черноморского флота России. Данное право РФ было зафиксировано в соглашении 1997 г. сроком на 20 лет [Дубинин, 2009: 220–222]. В развитие этого документа 21 апреля 2010 г. в Харькове на высшем уровне было подписано соглашение о продлении срока пребывания Черноморского флота России в Севастополе еще на 25 лет³⁷. Уже 29 апреля 2010 г. договор был ратифицирован обеими сторонами³⁸. Однако, как полагало российское руководство, силы, пришедшие к власти в Киеве 22 февраля 2014 г., с большой долей вероятности могли пойти на пересмотр всех этих соглашений³⁹.

Несмотря на критику позиции Кремля, А. Меркель 2 марта 2014 г. не продемонстрировала стремления к свертыванию взаимодействия с РФ. Более того, канцлер предложила создать Контактную группу и использовать площадку ОБСЕ для урегулирования ситуации на Украине⁴⁰, что было поддержано российским президентом⁴¹.

Для того чтобы приблизиться к пониманию логики, стоявшей за весьма противоречивыми, на первый взгляд, действиями германской дипломатии, парадоксальным образом сочетавшей критику России с декларируемой готовностью к расширению взаимодействия с ней, представляется целесообразным обратиться к анализу программных выступлений лидеров ФРГ по ситуации на Украине. Особенно важна в этой связи речь А. Меркель перед Бундестагом 13 марта 2014 г.⁴²

³⁷ Подписано соглашение о продлении срока пребывания Черноморского флота на Украине на 25 лет, 21 апреля 2010 г. // Официальный сайт Президента РФ. Доступ: kremlin.ru/news/7514 (дата обращения: 10.03.2015).

³⁸ Федеральный закон о ратификации Соглашения между Россией и Украиной по вопросам пребывания Черноморского флота РФ на территории Украины, 29 апреля 2010 г. // Официальный сайт Президента РФ. Доступ: kremlin.ru/news/7586 (дата обращения: 10.03.2015).

³⁹ Телефонный разговор с Федеральным канцлером Германии Ангелой Меркель, 2 марта 2014 г. // Официальный сайт Президента РФ. Доступ: kremlin.ru/news/20359 (дата обращения: 10.03.2015).

⁴⁰ Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem russischen Staatspräsidenten Putin, 2. März 2014. // Die Bundesregierung. Available at: <http://www.bundeskanzlerin.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/03/2014-03-02-telefonat-putin.html> (accessed: 10.03.2015).

⁴¹ Телефонный разговор с Федеральным канцлером Германии Ангелой Меркель, 2 марта 2014 г. // Официальный сайт Президента РФ. Доступ: kremlin.ru/news/20359 (дата обращения: 10.03.2015).

⁴² Rede von Dr. Angela Merkel, Bundeskanzlerin. Zum Treffen der Staatsund Regierungschefs der Europäischen Union zur Lage in der Ukraine am 6. März 2014 // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. Plenarprotokoll 18/20. Berlin, Donnerstag, den 13. März 2014. 1520D–1521A.

В указанном выступлении в сжатой форме были изложены концептуальные основы внешней политики ФРГ в отношении «украинского кризиса», ее цели и задачи, а также рассмотрены средства их достижения. Так, в краткосрочной перспективе (до двух лет) речь шла о достижении следующих целей:

1. Осуществление политической и экономической поддержки ориентированного на сближение с коллективным Западом нового руководства Украины. А. Меркель подчеркнула его легитимность в глазах Евроатлантического сообщества: «...переходное правительство в Киеве <...> является правительством для всех украинцев»⁴³. Для Германии была и остается важной реализация официальным Киевом следующих тактических задач: скорейшей стабилизации экономической ситуации (в первую очередь прекращения спада в промышленности), что в немалой степени обусловлено интересами германского бизнеса⁴⁴; легитимизации новых украинских властей⁴⁵. Поддержка в решении данных задач должна была выражаться в выделении льготных кредитов (по линии ЕС и МВФ), помощи в обеспечении промышленности и хозяйства энергоресурсами (ЕС)⁴⁶.

2. Сохранение территориальной целостности Украины и недопущение возникновения на ее территории вооруженного конфликта⁴⁷. «Украина, — указывала А. Меркель, — должна в дальнейшем стать местом мирного сосуществования всех, кто живет в ее границах, не различая, являются ли они украинцами, русскими, татарами или носителями других языков»⁴⁸. Для этого Украина должна качественно обновить свое законодательство в соответствии с требованиями о создании правового государства, содержащимися в тексте соглашения об ассоциации⁴⁹. Кроме того, Германия как держава ЕС выражала готовность оказать практическую поддержку киевским властям в осуществлении реформ, направленных на решение социально-экономических проблем Украины (в том числе коррупции). Правовой основой для их проведения также должно было стать соглашение об ассоциации⁵⁰.

3. Преодоление противодействия Кремля через усиление разъяснительных мер о ненаправленности соглашения об ассоциации и

⁴³ Ibid. 1520С.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibid. 1520В.

⁴⁷ Ibid. 1519В.

⁴⁸ Ibid. 1520С.

⁴⁹ Ibid. 1520D.

⁵⁰ Ibidem.

программы «Восточное партнерство» в целом против российских интересов⁵¹.

При этом предусматривались две линии поведения в отношении РФ в зависимости от ее действий. Первый вариант был приемлем в том случае, если бы Россия приостановила поддержку Крыма в его стремлении выйти из состава Украины и гарантировала ее территориальную целостность в границах на начало 2014 г. В обмен на это ФРГ как член ЕС и НАТО была готова реализовать две меры, демонстрирующие учет российских интересов. Во-первых, помимо имевшихся каналов взаимодействия на государственном и наднациональном уровнях (ЕС, НАТО, «Группа восьми») Германия предлагала создать Контактную группу, главной задачей которой должно было стать установление прямого диалога между Киевом и Москвой при участии держав Евроатлантического сообщества. К компетенции Контактной группы могло быть отнесено рассмотрение «права Крыма на автономию и языковых вопросов»⁵². Кроме того, глава правительства «большой коалиции» выступала за развертывание на Украине, в первую очередь в ее восточных регионах, мониторинговой миссии ОБСЕ⁵³. Такой выбор объяснялся тем, что это была практически единственная международная структура по решению проблем безопасности в Европе с участием как стран Евроатлантического сообщества, так и России.

С одной стороны, этот вариант демонстрировал готовность Берлина к взаимодействию с Москвой по интересующим ее проблемам, чего не было во второй половине февраля 2014 г, с другой — его реализация де-факто «связывала руки» Кремлю, который должен был отстраниться от крымских событий в ожидании встречных шагов со стороны Запада, причем Германия не фиксировала ни итогового масштаба, ни времени их осуществления.

Второй вариант строился на возможности продолжения Россией курса на поддержку Крыма и русскоязычного населения на Украине. В этом случае ФРГ считала необходимым оказывать нарастающее политическое и экономическое давление на Москву⁵⁴. Конечной целью такой политики должно было стать либо официальное принятие российским руководством соглашения об ассоциации Украины с ЕС; либо ослабление влияния РФ на Киев до такой степени, что она уже не смогла бы помешать «европеизации» Украины иными способами.

⁵¹ Ibidem.

⁵² Ibid. 1520A.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Ibid. 1521C.

Для давления на Кремль Германия в первую очередь предполагала опираться на структуры ЕС: уже 6 марта 2014 г. его государства-члены допустили введение санкций против России в случае, если она продолжит поддерживать Крым⁵⁵. Были предусмотрены и меры политического воздействия. Так, канцлер указала на возможность прекращения членства России в формате «Группы восьми», а также свертывания диалога с ней по большинству остальных каналов⁵⁶. Вместе с тем реализация второго варианта не означала стремления ФРГ сразу ввести серьезные экономические санкции в отношении РФ. Во-первых, для ЕС Россия была одним из ключевых торговых партнеров: в 2012 г. торговый оборот сторон достиг 437 млрд долл. [Menon, Rumer, 2015: 120–121]. Речь шла не только о масштабных поставках углеводородов из РФ, но и о значительных объемах экспортируемой государstwами — членами ЕС сельскохозяйственной продукции. Во-вторых, экономические санкции и их жесткость ставились Берлином в зависимость от степени готовности Москвы к взаимодействию в дальнейшем в контексте развития ситуации на востоке Украины⁵⁷. Таким образом, декларирование возможности введения санкций без их конкретизации призвано было в первую очередь оказать психологическое давление на руководство Российской Федерации.

К этому следует добавить стремление ФРГ не допустить резкого обострения напряженности в отношениях между коллективным Западом и Россией, чреватого самыми непредсказуемым последствиями вплоть до начала открытого военного противостояния. О реальности подобных опасений свидетельствуют слова А. Меркель, которая в своем выступлении в Бундестаге 13 марта подчеркнула: «...военные действия — не вариант для нас», что встретило поддержку всего без исключения депутатского корпуса⁵⁸. Кроме того, ни в рассматриваемой речи, ни в других официальных заявлениях канцлера и министров правительства «большой коалиции» весной 2014 г. не затрагивался вопрос о возможном членстве Украины в НАТО — ключевой военно-политической структуре Евroatлантического сообщества. Этой тематике в стратегии ФРГ вообще уделяется весьма ограниченное внимание, что, как считают Р. Менон и Ю. Румер, объясняется отсутствием консенсуса по данному вопросу в германских правящих кругах [Menon, Rumer, 2015: 138–140].

Необходимо отметить еще один факт: готовность к сокращению числа каналов взаимодействия с РФ, которые могли быть исполь-

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ Ibid. 1521D.

⁵⁷ Ibid. 1520C–1520D.

⁵⁸ Ibid. 1519D.

зованы для консультаций по Украине, не была равнозначна закрытию их всех. Германии как державе коллективного Запада требовалась хотя бы одна переговорная площадка для того, чтобы оказывать давление на Россию в русле позиции Евroatлантического сообщества в отношении Украины.

Если говорить о средне- и долгосрочной перспективе, то стратегия ФРГ предполагала продолжение курса на сближение Киева с Брюсселем. Определяющую роль в этом процессе играют степень выполнения Украиной условий соглашения об ассоциации с ЕС и усилия по минимизации последствий от возможных ответных мер Москвы.

* * *

Если проанализировать деятельность германской дипломатии с точки зрения указанных концептуальных положений, то можно заключить, что в первой половине марта 2014 г. Берлин в целом избрал в отношениях с Москвой второй из рассмотренных вариантов поведения. Показательно, что в это время кабинет «большой коалиции» весьма активно контактировал с США и Польшей — наиболее последовательными критиками российской стороны. Так, с 3 по 10 марта А. Меркель трижды детально обсуждала совместные решения, касающиеся России, с президентом США Б. Обамой и дважды общалась с Варшавой по этому вопросу (не считая еще двух встреч на полях Европейского совета). Вместе с тем данный выбор еще не был окончательным.

3 марта в принятом при участии ФРГ заявлении «Группы семи» было сказано, что Кремль нарушает нормы поведения «G7»/«G8». Это, с точки зрения западных держав, ставило под сомнение проведение саммита «Группы восьми» в Сочи⁵⁹. 5 марта 2014 г. на экстренном заседании Европейского совета А. Меркель обсудила с коллегами меры экономического и политического воздействия на РФ⁶⁰. 12 марта 2014 г. лидеры «Группы семи» вновь обратились к России, настаивая на ее отказе от поддержки демонстрантов в Крыму. Москву обвинили в нарушении Заключительного акта совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975), Основопологающего акта Россия — НАТО (1997), Будапештского ме-

⁵⁹ Erklärung der G7, 3. März 2014. // Die Bundesregierung. Available at: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/03/2014-03-03-g7.html> (accessed: 10.03.2015).

⁶⁰ EU-Sondergipfel zur Ukraine, 5. März 2014. // Die Bundesregierung. Available at: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Artikel/2014/03/2014-03-05-ukraine.html> (accessed: 10.03.2015).

морандума (1994) и Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве с Украиной (1997)⁶¹.

Несмотря на данную критику, диалог России и Германии на высшем уровне развивался весьма интенсивно. В первой декаде марта 2014 г. А. Меркель не менее трех раз проводила телефонные разговоры с В.В. Путиным. 9 марта 2014 г. канцлер ФРГ вновь подчеркнула необходимость отказа России от поддержки действий крымской администрации⁶².

Германское руководство окончательно сделало ставку на жесткий курс в отношении РФ после того, как 16 марта 2014 г. на территории Крымского полуострова был проведен референдум по вопросу о независимости от Украины. Явка избирателей на составила почти 83%, из них 96,6% высказались в поддержку воссоединения с Россией⁶³. 17 марта 2014 г. Республика Крым и Севастополь стали субъектами РФ, и это событие послужило для ФРГ как державы Запада «точкой невозврата» в развитии «украинского кризиса». На заседании Европейского совета А. Меркель поддержала введение первых санкций в отношении РФ, направленных преимущественно против лиц из окружения В.В. Путина⁶⁴. Руководство ФРГ также присоединилось к инициативе США по «заморозке» отношений с Москвой по линии Североатлантического альянса.

В то же время германские лидеры во второй половине марта — начале мая 2014 г. выступали за сохранение взаимодействия с Россией по каналам Европейского союза. Так, 22 апреля 2014 г. глава МИД ФРГ Ф.-В. Штайнмайер совместно со своим французским коллегой Л. Фабиусом заявил о невозможности урегулирования разгоравшегося на востоке Украины вооруженного конфликта без участия РФ⁶⁵.

⁶¹ Statement of G-7 Leaders on Ukraine // The White House. Available at: <http://www.whitehouse.gov/the-press-office/2014/03/12/statement-g-7-leaders-ukraine> (accessed: 20.02.2015).

⁶² Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem russischen Präsidenten Putin, 9. März 2014. // Die Bundesregierung. Available at: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/03/2014-03-09-telefonat-merkel-putin.html> (accessed: 10.03.2015).

⁶³ В Крыму подвели итоги референдума // Lenta.ru. 17.03.2014 г. Доступ: <http://lenta.ru/news/2014/03/17/crimea1/> (дата обращения: 20.02.2015).

⁶⁴ European Council. Council Decision 2014/145/CFSP of 17 March 2014 concerning restrictive measures in respect of actions undermining or threatening the territorial integrity, sovereignty and independence of Ukraine // Official Journal of the European Union. Available at: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2014:078:0016:0021:EN:PDF> (accessed: 20.02.2015).

⁶⁵ Chance auf Deeskalation ergreifen, 22. April 2014. // Die Bundesregierung. Available at: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Artikel/2014/04/2014-04-22-ukraine-vertragstreue-petersburger-dialog.html> (accessed: 01.03.2015).

Боевые столкновения между силами, поддержавшими новые киевские власти, и приверженцами политики сближения с Россией стали возникать и нарастать в юго-восточных областях, в первую очередь в Донецкой и Луганской, с начала апреля 2014 г. Главными причинами этих столкновений стали жестокость, продемонстрированная оппозицией в отношении сторонников экс-президента В.Ф. Януковича в ходе и по окончании силового захвата власти на Украине, а также дискриминация русского языка, что вызвало закономерную ответную реакцию населения востока страны. Возникновение вооруженного конфликта стало прямым следствием срыва договоренностей 21 февраля 2014 г., основным гарантом которых выступала Федеративная Республика Германия.

В сложившихся условиях руководство ФРГ не изменило своих стратегических установок. Конечной их целью оставались отказ России от поддержки ополченцев самопровозглашенных Донецкой и Луганской народных республик (ДНР и ЛНР) и принятие ею курса новых киевских властей на вхождение в евроатлантические структуры. Для этого параллельно с приглашением к переговорам Германия совместно с западными партнерами оказывала давление на Кремль через расширение санкций.

Сроки введения, характер (политические и (или) экономические) и масштаб последних, как показала практика, напрямую увязывались с успехами ополченцев ДНР и ЛНР. Несмотря на преимущество в численности личного состава, количестве наземной военной техники и абсолютное превосходство в авиации, ВСУ не удалось в апреле — мае 2014 г. добиться перелома в свою пользу. 11 мая 2014 г. на территории республик состоялся референдум по вопросу о независимости данных государственных образований. Более 95% проголосовавших высказались за выход из состава Украины⁶⁶.

Как и следовало ожидать, руководство ФРГ не признало итоги референдума⁶⁷. Вместе с тем успехи ополченцев вынуждали Германию искать возможности для интенсификации контактов с РФ. В условиях общего ухудшения отношений коллективного Запада и России использование действовавших до этого основных переговорных каналов было затруднено. Диалог с НАТО был свернут; лидеры евроатлантических держав демонстративно отказались приглашать В.В. Путина на встречи «Группы семи». К лету 2014 г.

⁶⁶ Перемитин Г. В Луганской и Донецкой областях подвели итоги референдума // РБК. 12.05.2014 г. Доступ: <http://top.rbc.ru/politics/12/05/2014/923136.shtml> (дата обращения: 05.03.2015).

⁶⁷ Bundesregierung erkennt Referendum nicht an, 12. Mai 2014. // Die Bundesregierung. Available at: <http://www.bundestkanzlerin.de/Content/DE/Artikel/2014/05/2014-05-12-ostukraine-referendum.html> (accessed: 05.03.2015).

стало очевидно, что контакты по линии ЕС с учетом масштаба введенных санкций также не подходили для налаживания взаимодействия с Москвой. В этой связи германская сторона проявила интерес к запуску нового переговорного формата. В его основу, с одной стороны, легла идея создания Контактной группы, которая еще в марте 2014 г. рассматривалась правительством «большой коалиции» в качестве площадки, способной обеспечить при участии держав Запада прямой диалог официального Киева и России; с другой стороны, речь шла о возвращении к механизму трехстороннего взаимодействия РФ–ФРГ–Франция. Он был создан по инициативе Кремля еще в 1998 г., однако обращение сторон к этому формату носило спорадический характер [Mommssen, 2003: 178]. Исключением стали интенсивные трехсторонние встречи в 2003 г., когда Москва, Берлин и Париж представили согласованную позицию, выступив против военного вторжения США в Ирак⁶⁸. Проблема заключалась в том, что в ситуации 2014–2015 гг. Российскую Федерацию с одной стороны и Германию и Францию — с другой разделяли глубокие противоречия.

6 июня 2014 г. в Нормандии на праздновании 70-летия открытия американо-британскими союзниками Второго фронта против нацистской Германии был запущен переговорный формат РФ–ФРГ–Франция–Украина. Позиция Германии заключалась в том, что Россия должна оказать давление на представителей ЛНР и ДНР в целях принятия ими требований Киева⁶⁹. Иными словами, правительство ФРГ, продолжая последовательно реализовывать избранный курс в отношении Украины, стремилось достичь прекращения вооруженного конфликта в стране путем обеспечения де-факто односторонней победы киевской власти.

В результате выборов 25 мая 2014 г. президентом Украины был избран П. Порошенко, которого в Берлине рассматривали в качестве объединителя враждующих между собой регионов страны⁷⁰.

⁶⁸ Заявление для прессы и ответы на вопросы на совместной пресс-конференции после трехсторонних переговоров Президента России В.В. Путина с Федеральным канцлером ФРГ Г. Шрёдером и Президентом Франции Ж. Шираком. Санкт-Петербург, 11 апреля 2003 г. // Официальный сайт МИД РФ. Доступ: <http://www.mid.ru/bdomp/ns-reuro.nsf/348bd0da1d5a7185432569e700419c7a/432569d80022027e43256d08002aadbe!OpenDocument> (дата обращения: 05.08.2014).

⁶⁹ Bundeskanzlerin Merkel führt Gespräch mit dem russischen Präsidenten Putin, 6. Juni 2014. // Die Bundesregierung. Available at: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/06/2014-06-06-merkel-putin.html> (accessed: 01.06.2015).

⁷⁰ Bundeskanzlerin Merkel empfängt den zukünftigen ukrainischen Präsidenten Poroschenko, 5. Juni 2014. // Die Bundesregierung. Available at: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/06/2014-06-04-merkel-poroschenko-breg.html> (accessed: 01.06.2015).

Достижение стабилизации на Украине или хотя бы движение к этому состоянию должно было обеспечить благоприятные условия для возобновления ее сближения с Евросоюзом. Показательно, что уже 27 июня 2014 г. украинская сторона подписала Соглашение об ассоциации с ЕС, в полной мере возобновив сотрудничество в рамках «Восточного партнерства» [Menon, Rumer, 2015: 115]. В качестве меры, направленной на снижение обеспокоенности Москвы ситуацией на Украине, германская сторона продолжала рассматривать запуск миссии ОБСЕ. Последняя должна была также осуществлять мониторинг возможных поставок вооружений из РФ ополченцам. Российская сторона поддержала эту инициативу, что вновь продемонстрировало ее реальное стремление к урегулированию вооруженного конфликта⁷¹.

Однако возможностей для его мирного разрешения не просматривалось. ВСУ перешли в июле 2014 г. в широкомасштабное наступление, что позволяло Германии надеяться на скорую победу Киева. Более того, крушение 17 июля 2014 г. малайзийского «Боинга» с 298 пассажирами на борту и последующее обвинение ополченцев в его уничтожении с помощью вооружений, полученных от РФ, привели к новому, самому масштабному ужесточению санкций в отношении России. Показательно, что они были введены ЕС при активной поддержке лично А. Меркель уже в день трагедии. После начала отступления ополченцев ДНР и ЛНР Германия вновь стала проявлять интерес к переговорам в формате «нормандской четверки», настаивая на необходимости заключения перемирия на условиях Киева⁷². Однако этот интерес быстро угас, когда 24 августа 2014 г. силы республик перешли в контрнаступление, в ходе которого вернули под свой контроль большую часть потерянных ранее территорий.

5 сентября 2014 г. в Минске при посредничестве России уполномоченные от ДНР и ЛНР и официального Киева подписали соглашение о прекращении огня («Минск-1»)⁷³. ФРГ, как и Франция, не приняла участия в переговорах, предшествовавших этому собы-

⁷¹ Telefonat von Bundeskanzlerin Merkel, Präsident Hollande, Präsident Poroschenko und Präsident Putin zur Ukraine, 25. Juni 2014. // Die Bundesregierung. Available at: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/06/2014-06-25-telefonat.html> (accessed: 02.06.2015).

⁷² Außenminister Steinmeier nach den Beratungen zur Ukraine-Krise mit den Außenministern Frankreichs, Russlands und der Ukraine in Berlin, 18.08.2014. // Das Auswärtige Amt. Available at: <http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Meldungen/2014/140818-BM-Ukraine-Beratungen.html> (accessed: 03.06.2015).

⁷³ Полный текст Минского меморандума с комментариями сторон // Информационный портал «Русская весна». 20.09.2014 г. Доступ: <http://rusvesna.su/news/1411232830> (дата обращения: 03.06.2015).

тию. Более того, на проходившем в то же время саммите НАТО в Уэльсе Германия поддержала решение о значительном укреплении военного потенциала альянса⁷⁴. Приведенные факты не только свидетельствовали о весьма скептическом отношении Берлина к достигнутым в Минске договоренностям, но и отражали его явную неудовлетворенность результатами переговоров, прежде всего их компромиссным характером. Официальный Киев де-юре был вынужден признать ДНР и ЛНР сторонами конфликта, обе самопровозглашенные республики сохраняли за собой территории, занятые в ходе контрнаступления.

Очевидно, однако, что уполномоченные П. Порошенко не стали бы подписывать «Минск-1» без согласования с западными партнерами, в том числе правительством «большой коалиции». Это свидетельствовало о том, что в политике ФРГ в отношении Украины начали происходить определенные изменения. Германия продолжала настаивать на необходимости сокращения российской поддержки ДНР и ЛНР⁷⁵, однако стала проявлять большую готовность к учету российской позиции. На встрече «четверки» А. Меркель заявила, что именно соглашение от 5 сентября 2014 г. является основой для урегулирования вооруженного конфликта на Украине. С середины октября 2014 г. кабинет «большой коалиции» стал признавать ответственность за продолжение боевых столкновений не только ополченцев, но и официального Киева⁷⁶. Эти тенденции получили дальнейшее развитие в начале 2015 г.

В январе 2015 г., пополнившись личным составом и техникой, ВСУ перешли в наступление против ополченцев. Однако уже к концу месяца войска ДНР и ЛНР не только остановили противника, но и стали продвигаться на запад от разграничительной линии, установленной соглашением от 5 сентября 2014 г. Уже 12 февраля 2015 г. в столице Беларуси по итогам 17-часовых переговоров лидеры «нормандской четверки» подписали соглашение «Минск-2». При условии сохранения ДНР и ЛНР в составе Украины офици-

⁷⁴ NATO. Wales Summit Declaration, 5 September 2014 // North Atlantic Treaty Organization. Available at: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (accessed: 03.06.2015).

⁷⁵ Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit russischem Präsidenten Putin zur Ukraine, 15. September 2014. // Die Bundesregierung. Available at: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/09/2014-09-15-merkel-putin.html> (accessed: 03.06.2015).

⁷⁶ Bundeskanzlerin Merkel telefoniert mit dem russischen Staatspräsidenten Putin, 24. Oktober 2014. // Die Bundesregierung. Available at: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Pressemitteilungen/BPA/2014/10/2014-10-24-telefonat-merkel-putin.html> (accessed: 04.06.2015).

альный Киев согласился не только на признание новой разграничительной линии к западу от рубежа, установленного «Минском-1», но и на проведение глубоких внутренних реформ с учетом интереса жителей востока страны. Кроме того, президент Украины признал особый правовой статус ДНР и ЛНР⁷⁷. В отличие от «Минска-1», гарантами «Минска-2» наряду с Россией выступили Германия и Франция. Обе державы ЕС были вынуждены официально признать Донецкую и Луганскую народные республики сторонами прекращенного вооруженного конфликта.

«Минск-2» не означает, что власти Германии полностью отказались от курса на поддержку сближения официального Киева с Евроатлантическим сообществом, но темпы реализации и конечные результаты данного процесса, безусловно, подверглись существенному пересмотру. Подписав «Минск-2», Германия и Франция *совместно* с Россией приняли на себя ответственность не только за урегулирование вооруженного конфликта на востоке Украины, но и за последующее развитие страны, в первую очередь в контексте модернизации ее политической системы.

* * *

С середины 2000-х годов ФРГ как держава ЕС стала демонстрировать готовность играть все более активную роль на постсоветском пространстве. Эта тенденция проявилась в возрастающей вовлеченности государства, во-первых, в урегулирование части прекращенных вооруженных конфликтов (приднестровского, грузино-абхазского и грузино-югоосетинского), во-вторых — в реализацию «Восточного партнерства» — программы сближения с расположенными на западе и юге республиками бывшего СССР, ключевая составляющая которой — заключение соглашений об ассоциации с ЕС.

Эти действия не могли не вызывать беспокойства России, стремившейся к развитию евразийской интеграции. Пытаясь если не развеять, то хотя бы ослабить эти опасения, руководство ФРГ постоянно подчеркивало, что соглашения об ассоциации с ЕС представляют выгоду не только для государств-участников, но и для внешних акторов, т.е. РФ. И все же эта риторика не могла скрыть того обстоятельства, что развитие «Восточного партнерства» очевидно противоречило политике Кремля, нацеленной на включение Украины в евразийские интеграционные структуры.

⁷⁷ Полный текст Минских соглашений // РИА Новости. 12.02.2015 г. Доступ: <http://ria.ru/world/20150212/1047311428.html> (дата обращения: 05.03.2015).

Отказ президента В.Ф. Януковича подписывать соглашение об ассоциации с ЕС был весьма болезненно воспринят лидерами государств Европейского союза, в том числе ФРГ. В последующей эволюции позиции Германии в отношении «украинского кризиса» можно условно выделить четыре этапа. На *первом* (начало декабря 2013 г. — конец февраля 2014 г.) правительство ФРГ постепенно наращивало поддержку оппозиции, де-факто игнорируя обеспокоенность РФ. Кульминацией этой линии стали события 21–22 февраля 2014 г. Сначала лидеры Майдана подписали с правительством соглашение, текст которого был выработан при активном участии главы МИД ФРГ Ф.-В. Штайенмайера, а затем совершили государственный переворот на фоне демонстративного невмешательства Германии.

В ходе *второго* этапа (первая половина марта 2014 г.) руководство ФРГ сделало ставку на широкую поддержку нового правительства в Киеве с целью форсировать сближение Украины с ЕС. Данная политика предусматривала два варианта действий в отношении России — жесткий и более «мягкий», которые, однако, преследовали одну цель — добиться признания Москвой евроатлантического вектора развития Украины. Иными словами, де-факто России настойчиво предлагали отойти от отстаивания своих государственных интересов на Украине в обмен на обещание более широкого диалога по возникающим проблемам в будущем («мягкий» вариант) либо грозили введением политических и экономических санкций.

На *третьем* этапе (с середины марта до начала сентября 2014 г.) германская сторона активно применяла меры политического («замораживание» диалога по линии НАТО и позднее ЕС, «исключение» из «Группы восьми») и экономического давления на российское руководство. Созданный в этот период новый переговорный формат — «нормандская четверка» — использовался Берлином преимущественно в те моменты, когда внешние условия благоприятствовали попыткам заставить Москву отказаться от поддержки пророссийских сил на Украине. Однако подобный курс не принес ожидаемых результатов, свидетельством чего стали вхождение Крыма в состав РФ (17 марта 2014 г.), а также разрастание вооруженного конфликта на востоке Украины.

Четвертый этап (с начала сентября 2014 г.) характеризовался постепенным реальным, а не декларативным осознанием руководством ФРГ необходимости учитывать интересы России и позиции ДНР и ЛНР в условиях демонстрируемой последними жизнеспособности. Главный лейтмотив германской линии в отношении

Украины — обеспечение ее сближения с ЕС — сохранился, но корректировке начали подвергаться скорость его развития и конечные итоги. Ключевым событием четвертого этапа стало подписание при участии Германии и Франции соглашения «Минск-2», предлагающего компромиссное урегулирование ситуации на Украине. Это соглашение отразило новые реалии: Берлин был вынужден де-юре признать ДНР и ЛНР сторонами вооруженного конфликта.

Подписав «Минск-2», ФРГ взяла на себя ответственность за проведение политической модернизации Украины. С одной стороны, ее осуществление с большой долей вероятности будет рассматриваться Германией в тесной увязке с выполнением Киевом условий соглашения об ассоциации с ЕС от 27 июня 2014 г. С другой стороны, обязательным компонентом политического реформирования Украины должно стать расширение прав восточных областей страны, т.е. территории ДНР и ЛНР, которые продолжают выступать против сближения с евроатлантическими структурами. В сегодняшних реалиях снять данное противоречие весьма затруднительно.

Опыт событий 2014–2015 гг. и неизбежно невысокая в условиях политической и социально-экономической нестабильности скорость имплементации Украиной положений соглашения об ассоциации с ЕС позволяют предположить, что ФРГ не будет поддерживать полноценное вступление данного государства в Европейский союз ни в ближне-, ни в среднесрочной перспективе. Еще менее вероятным представляется согласие ФРГ на вступление Украины в Североатлантический альянс.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатуров А.Д. Три поколения внешнеполитических доктрин России // Международные процессы. 2007. № 1 (13). С. 54–69.
2. Данилов Д.А. Договор о европейской безопасности открыт для обсуждения // Современная Европа. 2009. № 2. С. 146–148.
3. Дубинин Ю.В. Дипломатический марафон. М.: Колос, 2009.
4. Дубинин Ю.В. Мастерство переговоров. М.: Международные отношения, 2009.
5. Журавель В.П. Русский мир на Украине: проблемы и перспективы // Публикации института Европы РАН. Доступ: <http://www.ieras.ru/pub/analitika/zhur1.pdf> (дата обращения: 24.03.2015).
6. Забелин С.А. Восточное партнерство от Праги до Вильнюса: эволюция идеи // Восточное партнерство до и после Вильнюса: Доклады Института Европы РАН. № 301. М., 2014. С. 36–48.
7. Золотарев П.С. Противоракетная оборона: история и перспективы // Россия в глобальной политике. 2008. № 3. Доступ: http://www.globalaffairs.ru/number/n_10948 (дата обращения: 27.03.2015).

8. Иванов И.С. Украинский кризис через призму международных отношений. М.: НП РСМД, 2015.
9. Кокеев А.М. О соотношении атлантизма и европеизма во внешней политике ФРГ // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 7. С. 21–27.
10. Мироненко В.И. Украина и Восточное партнерство: до и после Вильнюса // *Восточное партнерство до и после Вильнюса: Доклады Института Европы РАН*. № 301. М., 2014. С. 20–36.
11. Павлов Н.В. Москва — Берлин — Брюссель: от трилатерализма к билатерализму? // *Современная Европа*. 2014. № 4. С. 106–109.
12. Украинский кризис: экспертная оценка [доклады членов Ученого совета Института Европы РАН] // *Современная Европа*. 2014. № 3. С. 10–33.
13. Язькова А.А. Саммит в Вильнюсе и программа «Восточное партнерство»: международный аспект // *Восточное партнерство до и после Вильнюса: Доклады Института Европы РАН*. № 301. М., 2014. С. 8–19.
14. *Brothers armed. Military aspects of the Crisis in Ukraine* / Ed. by R. Pukhov, C. Howard. Minneapolis: East View Press, 2014.
15. Bos El. *Deutsche Interessen und Ziele im GUS-Raum* // S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). *Handbuch zur deutschen Außenpolitik*. 1. Auflage. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 456–461.
16. Curtius G. *Friedenslösung für Ukraine, Irak/Syrien. Konflikt-Gefahren durch Wirtschaftsflüchtlinge und Islam?* Norderstedt: Books on Demand, 2015.
17. Denisentsev S. *The Soviet inheritance of Ukrainian armed forces* // *Brothers armed. Military aspects of the Crisis in Ukraine* / Ed. by R. Pukhov, C. Howard. Minneapolis: East View Press, 2014. P. 25–57.
18. Lavrov A., Nikolsky A. *Neglect and rot: degradation of Ukraine's military in the interim period* // *Brothers armed. Military aspects of the Crisis in Ukraine* / Ed. by R. Pukhov, C. Howard. Minneapolis: East View Press, 2014. P. 57–73.
19. Menon R., Rumer E. *Conflict in Ukraine. The unwinding of the post-cold War order*. London: A Boston Review Book; Cambridge, Massachusetts: Institute of Technology, 2015.
20. Mommsen M. *Wer herrscht in Russland? Der Kreml und die Schatten der Macht*. München: Beck, 2003.
21. Pifer S. *Averting crisis in Ukraine*. Council on Foreign Relations. Council special report. No. 41. January 2009.
22. Sackelmore J. *The world against ISIS*. London: Conceptual Kings, 2014.
23. Sakwa R. *Frontline Ukraine. Crisis in the borderlands*. London: I.B. Tauris & Co Ltd, 2015.
24. Scheider-Deters W. *Die Ukraine: Machtvakuum zwischen Russland und der Europäischen Union*. Berlin: Berliner Wissenschafts-Verlag, 2012.
25. Wilson A. *Ukrainian crisis. What it means for the West*. New Haven: Yale University Press, 2014.

Ph.O. Trunov

EVOLUTION OF GERMAN POLICY TOWARDS UKRAINE (2013–2015)

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

Long-simmering political crisis in Ukraine finally broke out in December of 2013. It became a watershed event for the history of relations between Russia and the West after the end of the Cold War and triggered a comprehensive revision of the foreign policy doctrines both in Russia and in the Western countries. In this context the case of Germany is of special interest. Germany is not only one of the leading powers of the European Union, but also frequently acted as a mediator between Russia and the United States. This paper examines aims and goals of German policy towards Ukraine and traces its evolution against the background of a transformation of a political crisis into an armed conflict in that country. The author emphasizes that from the late 2000s Germany showed increased interest in post-Soviet republics, including Ukraine. For that matter, special attention was paid to the European Union's 'Eastern Partnership' program and the framework of a European Union Association Agreement. And it was exactly the decision of the V. Yanukovich's administration to repudiate the Association Agreement that provoked anti-government riots in Kiev. The author shows, that the German government was quick to support the opposition, considering its victory as the best way to ensure pro-Western orientation of Ukraine in the future. The latter, as the analysis of the German official documents shows, was the main strategic goal of the German policy towards Ukraine and remained as such throughout the crisis, just as did the means of achieving this goal (a strong support of P. Poroshenko's administration, political and economic sanctions against Russia). However, an ongoing armed conflict in Eastern Ukraine postpones the achievement of this objective *sine die*.

Keywords: FRG, Germany, foreign policy, Ukraine, Russian Federation, Ukrainian crisis, Euromaidan, Eastern Partnership, European Union Association Agreement, Normandy format, Minsk Protocol, Minsk II, Crimea, Donetsk People's Republic, Luhansk People's Republic, sanctions.

About the author: *Philipp O. Trunov* — PhD Candidate at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: ltrunov@mail.ru).

REFERENCES

1. Bogaturov A.D. 2007. Tri pokoleniya vneshnepoliticheskikh doktrin Rossii [Three generations of Russian foreign policy doctrines]. *International trends*, no. 2 (13). pp. 54–69. (In Russ.)

2. Danilov D.A. 2009. Dogovor o evropeiskoi bezopasnosti otkryt dlya obsuzhdeniya [European Security Treaty is open for discussion]. *Contemporary Europe*, no. 2, pp. 146–148. (In Russ.)
3. Dubinin Yu.V. 2009. *Diplomaticheskii marafon* [Diplomatic marathon]. Moscow, Kolos Publ. (In Russ.)
4. Dubinin Yu.V. 2009. *Masterstvo peregovorov* [The art of negotiations]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)
5. Zhuravel V.P. 2015. Russkii mir na Ukraine: problemy i perspektivy [Russian mir in Ukraine: challenges and prospects]. *Publikatsii instituta Evropy RAN*. Available at: <http://www.ieras.ru/pub/analitika/zhur1.pdf> (accessed: 24.03.2015). (In Russ.)
6. Zabelin S.A. 2014. Vostochnoe partnerstvo ot Pragi do Vil'nyusa: evolyutsiya idei [Eastern Partnership from Prague to Vilnius: the evolution of idea]. *Vostochnoe partnerstvo do i posle Vil'nyusa. Doklady Instituta Evropy RAN*, no. 301. Moscow, pp. 36–48. (In Russ.)
7. Zolotarev P.S. 2008. Protivoraketnaya oborona: istoriya i perspektivy [Anti-missile defense: history and prospects]. *Rossiya v global'noi politike*, no. 3. Available at: http://www.globalaffairs.ru/number/n_10948 (accessed: 27.03.2015). (In Russ.)
8. Ivanov I.S. 2015. *Ukrainskii krizis cherez prizmu mezhdunarodnykh otnoshenii* [Ukrainian crisis through the lens of international relations]. Moscow, NP RSMD Publ. (In Russ.)
9. Kokeev A.M. 2009. O sootnoshenii atlantizma i evropeizma vo vneshnei politike FRG [On interrelation of Atlanticism and Europeanism in the foreign policy of Germany]. *World economy and international relations*, no. 7. pp. 21–27. (In Russ.)
10. Mironenko V.I. 2014. Ukraina i Vostochnoe partnerstvo: do i posle Vil'nyusa [Ukraine and Eastern Partnership: before and after Vilnius]. *Vostochnoe partnerstvo do i posle Vil'nyusa. Doklady Instituta Evropy RAN*, no. 301. Moscow, pp. 20–36. (In Russ.)
11. Pavlov N.V. 2014. Moskva — Berlin — Bryussel': ot trilateralizma k bilateralizmu? [Moscow — Berlin — Brussels: from trilateralism to bilateralism]. *Contemporary Europe*, no. 4, pp. 106–109. (In Russ.)
12. Ukrainskii krizis: ekspertnaya otsenka [Ukrainian crisis: an expert assessment]. 2014. *Contemporary Europe*, no. 3. pp. 10–33. (In Russ.)
13. Yaz'kova A.A. 2014. Sammit v Vil'nyuse i programma 'Vostochnoe partnerstvo': mezhdunarodnyi aspekt [Vilnius Summit and the Eastern Partnership program: international aspects]. *Vostochnoe partnerstvo do i posle Vil'nyusa: Doklady Instituta Evropy RAN*, no. 301. Moscow, pp. 8–19. (In Russ.)
14. Pukhov R., Howard C. (eds.). 2014. *Brothers armed. Military aspects of the Crisis in Ukraine*. Minneapolis, East View Press.
15. Bos El. 2007. Deutsche Interessen und Ziele im GUS-Raum. In Schmidt S., Hellmann G., Wolf R. (Hrsg.). *Handbuch zur deutschen Außenpolitik*. 1. Auflage. Wiesbaden, VS Verlag für Sozialwissenschaften/GWV Fachverlage GmbH. S. 456–461.

16. Curtius G. 2015. *Friedenslösung für Ukraine, Irak/Syrien. Konflikt-Gefahren durch Wirtschaftsflüchtlinge und Islam?* Norderstedt, Books on Demand.
17. Denisentsev S. 2014. The Soviet inheritance of Ukrainian armed forces. In Pukhov R., Howard C. (eds.). *Brothers armed. Military aspects of the Crisis in Ukraine*. Minneapolis, East View Press, p. 25–57.
18. Lavrov A., Nikolsky A. 2014. Neglect and rot: degradation of Ukraine's military in the interim period. In Pukhov R., Howard C. (eds.). *Brothers armed. Military aspects of the Crisis in Ukraine*. Minneapolis, East View Press, p. 57–73.
19. Menon R., Rumer E. 2015. *Conflict in Ukraine. The unwinding of the post-Cold War order*. London, A Boston Review Book; Cambridge, Massachusetts, Institute of Technology.
20. Mommsen M. 2003. *Wer herrscht in Russland? Der Kreml und die Schatten der Macht*. München, Beck.
21. Pifer S. 2009. *Averting crisis in Ukraine*. Council on Foreign Relations. Council special report, no. 41.
22. Sackelmore J. 2014. *The world against ISIS*. London, Conceptual Kings.
23. Sakwa R. 2015. *Frontline Ukraine. Crisis in the borderlands*. London, I.B. Tauris & Co Ltd.
24. Scheider-Deters W. 2012. *Die Ukraine: Machtvakuum zwischen Russland und der Europäischen Union*. Berlin, Berliner Wissenschafts-Verlag.
25. Wilson A. 2014. *Ukrainian crisis. What it means for the West*. New Haven, Yale University Press.